

як складової наукової картини світу. Специфіка об'єктів спеціального економічного знання виявляє таку саму специфіку у полісистемі економічної термінології, тому студенти різних спеціальностей досліджують термінологію саме свого майбутнього фаху. Наприклад, економічно-правову термінологію розглядають як інформативне ядро правничої мови, аналізуючи: шляхи формування та етапи становлення, взаємодію національних та інтернаціональних елементів, способи творення сучасних економічно-правових термінів, вияви синонімії, полісемії, антонімії в економічно-правовій терміносистемі. За такою схемою студенти аналізують фінансово-економічну, банківську та ін. терміносистему свого фаху.

Вільно оперуючи здобутими знаннями, студент зможе на практиці застосувати сформовані вміння й навички досконалого володіння нормами літературної мови, оптимального використання мовних засобів у науковій комунікації (за спеціальностями), мовної репрезентації в усній і писемній формах власних наукових досліджень (доповідь, повідомлення, промова, анотація, тези, наукова стаття та ін.). Набуті знання, сформовані вміння та навички будуть реалізовані у майбутній науковій діяльності економістів, застосовані у практиці ведення бізнесу, в управлінській сфері та ін.

Література

1. Котюрова М. Культура научной речи. Текст и его редактирование: Учеб. пособие. — Пермь, 2005.
2. Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. — М., 1999.
3. Огар Е. Термінознавчі дисципліни у навчальному процесі // Українська термінологія і сучасність. — К., 2001. — С. 347-349.
4. Пшенична Л. Засади термінологічної культури фахівця предметної галузі // Українська термінологія і сучасність. — К., 2005. — С. 420-423.
5. Програма вибіркової дисципліни „Культура наукової мови”. — К.: КНЕУ, 2005.
6. Скорикова Т. Культура научной речи в нефилологическом вузе (теоретические и методические проблемы обучения) // Функционализм как основа лингвистических исследований. — Ялта, 2005. — С. 318-320.
7. Токарська А., Кочан І. Культура фахового мовлення правника. — Львів, 2003.

Статья поступила в редакцию 14.04.2006 г.

УДК 811.161.1(09)

Н. Н. Ничик

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Одной из определяющих категорий истории русского литературного языка как историко-лингвистической дисциплины является языковая ситуация. Употребление языка осуществляется в определенных исторических и социальных условиях — «в связи с политическим и экономическим развитием общества, с развитием просвещения, культуры и литературы» [1, с. 77]. Специфической особенностью языковой ситуации X-XVII вв. является сосуществование и взаимодействие двух языков — старославянского, с его высоким уровнем языковой и стилистической обработанности и идеологической насыщенностью, и древнерусского, «не исключающего, но предполагающего богатство его ресурсов и разнообразие манер литературного выражения» [1, с. 92]. Эту идею, впервые высказанную А.И. Соболевским [2], поддерживали и развивали, с большими или меньшими отличиями, А.А. Алексеев [3, с. 3-11], В.В. Виноградов [4, с. 60-62], А.И. Горшков [1, с. 82-97], Д.С. Лихачев [5, с. 303], Н.А. Мещерский [6, с. 40-42], Ф.П. Филин [7, с. 258-260] и др.

Взаимодействие старославянского / церковнославянского и русского литературного языков было различным, но неперенным на всех этапах истории русского литературного языка, включая и современный период его развития.

1. Период Крещения Киевской Руси еще А.И. Соболевским был определен как Первое южнославянское влияние, поскольку вместе с алфавитом и письменностью на старославянском языке — одном из диалектов древнеболгарского языка, обработанного Св. Равноап. Кириллом и Мефодием, — пришла большая византийская литература. Возникают переводческие школы Киева и Новгорода, которые использовали старославянский язык русской (восточнославянской) редакции и сложившийся под его влиянием книжно-славянский тип древнерусского литературно-письменного языка. Главное для этого периода — формирование христианского мировоззрения, старославянский язык является основным носителем новой идеологии, и потому его значение для языковой и социо-культурной ситуации может быть определено как цивилизационное, т.к. свидетельствовало о переходе восточного славянства из язычества в христианство. По мнению иг. Иоанна Экономцева, православного богослова и историка, «религиозная общность является неперенным, основополагающим элементом формирования этноса, духовной «закваской» этногенеза» [8, с. 150-151]. Приход новой идеологической системы, способствовавшей расцвету письменности, образования и культуры Киевского государства, определен им как Первое Возрождение [9, с. 188-189]. Отмечая условность термина «первое южнославянское влияние», Б.А. Успенский подчеркивает его византийскую направленность: «... Усвоение южнославянской книжной традиции было обусловлено не столько культурной (или церковно-политической) ориентацией на Болгарию, сколько ролью южных славян как проводников греческого культурного влияния. ... Южные славяне играли вспомогательную, посредническую, но не самостоятельную роль: ориентация была греческой, письменность — болгарской» [10, с. 41]. Высокие образцы древнерусского словесного искусства становятся известными там, откуда пришел старославянский / церковнославянский язык. Как свидетельствует Д.С.Лихачев, «можно говорить об огромном «вывозе» из Киевской Руси созданных там памятников и рукописей. Сочинения Кирилла Туровского распространялись в рукописях по всему юго-востоку Европы наряду с сочинениями отцов церкви. — Давно отмечено влияние такого русского памятника XI в., как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в Сербии и на Афоне» [11, с. 8-9].

2. Распад Киевского государства вследствие феодальной раздробленности, культурный и экономический спад, вызванный татаро-монгольским нашествием, завершается формированием Московского княжества / Московского государства, великорусской народности и великорусского языка. Складывается новый тип художественной и языковой культуры — эмоционально просветленный, изысканно-угонченный, духовно возвышенный, богословскую основу которого составлял исихазм как высшее достижение византийской духовности. «Изоощренный стиль «извития и плетения словес», возникший и распространявшийся на Балканах в XIV и XV вв., развивался не без русского воздействия и именно в России достиг своего наивысшего расцвета» [11, с. 9]. Второе южнославянское влияние, по терминологии А.И.Соболевского, имело глубокие корни: а) вторичный приход византизма — влияние богословия Григория Паламы, исихастский поиск «внутреннего человека»; б) обращение к культурным и духовным истокам — наследию Киевской Руси [2, с. 147-158]. Б.А. Успенский объясняет связь южнославянского и греческого влияния тем, что «возрождение церковнославянского языка органически объединяется в русском культурном сознании с ренессансом православной идеологии» [10, с. 280]. Не случайно игумен Иоанн Экономцев возражает

Д.С.Лихачеву, определившему этот период как Предвозрождение: «Духовный и культурный подъем в Восточной Европе был настоящим, полным и безусловным Возрождением, которое принципиальным образом отличалось от Возрождения западного и переродиться в западный Ренессанс оно не могло» [9, с. 188]. Русское Возрождение, по сравнению с западноевропейским, имело иную направленность: западноевропейское Возрождение было по своей идеологической сущности антропоцентрическим, т.к. определяло человека как носителя высших ценностей, обращаясь за доказательствами к античной философии, культуре и литературе; русское Возрождение XIV–XV (XVI) вв. имело теоцентрический характер, т.к. в его основе лежало обращение к византийскому, южнославянскому и древнерусскому православному наследию. Второе южнославянское влияние и Второе Возрождение (последовательность — от иг. Иоанна Экономцева) накладывались на процесс формирования психологического облика и языка великорусской народности и потому имело ментальное значение.

Укрепление и развитие просвещения — характерная примета этого периода. По почину Московского митрополита Киприана предпринята «правка книг церковных», которую продолжил Киевский митрополит Григорий Цамблак, составитель житий и переписчик, инок Троице-Сергиевой лавры Пахомий Логофет. Архиепископ Новгородский с группой справщиков переводит, редактирует и впервые в России собирает в единое целое книги Св. Писания. Несколько позже Московский митрополит Макарий предпринимает капитальный труд — собирает, редактирует и составляет жития общеславянских, византийских и русских святых Минеи-Четии. По завершении этого периода, как свидетельствует А.И. Соболевский, «русская литература оказалась увеличившейся почти вдвое и — вновь полученные ею литературные богатства, отличаясь разнообразием, удовлетворяли всевозможным потребностям и вкусам и давали обильный материал русским авторам» [2, с. 158].

3. Третье южнославянское влияние, отмеченное как таковое Б.А. Успенским [10, с. 411–428], охватывает период конца/середины XVII — начала XVIII вв. — время сложения русской нации и русского национального языка. Оно связано с югозападнорусской богословской и филологической школой и открывается «книжной справой», предварявшей церковные реформы патриарха Никона. «Книжная справа» велась по греческому образцу выходцами из Киева, воспитанниками Киево-Могилянской Академии — Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским, Дамаскиным Птицким и др., замечательными знатоками книжного дела и церковных уставов. Вместе с тем носителями образованности и просвещения нередко оказывались люди, в которых, по словам прот. Георгия Флоровского, «не раз обнаруживалась ... беспокойная связь «греческого» и «латинского»» [12, с. 64]. А некоторых из них даже современники называли «латинствующими» — таковы Паисий Лигарид, Симеон Полоцкий, основоположник русского стихосложения и выразитель идей барокко. Открывшаяся Славяно-греко-латинская школа (1687г., впоследствии — Академия) — первое высшее духовное заведение с систематически организованным духовным и филологическим образованием, которое к концу XVII в. приобретает латинофильский характер [12, с. 81]. Филологическая направленность Третьего южнославянского влияния дает возможность определить его как просветительское, а его латинизированный и западноевропейский оттенок делает его Просветительским. Как оценивает этот период прот. Георгий Флоровский, «не следует уменьшать объем и значительность ученых и даже учебных достижений Во всяком случае это был очень важный культурно-богословский опыт» [12, с. 114].

На Третье южнославянское влияние накладываются реформы Петра Великого, которые внесли в теоцентрическое православное мировоззрение *антропоцентрический* оттенок, т.к. идеалом Петровского времени был активный государс-

твенник прагматического типа. Процесс секуляризации в культурной жизни и в области просвещения (введение так наз. «гражданского» алфавита, латинизация преподавания в церковных школах), казалось, отодвигают православные ценности на второй план. Но именно в это время, середина — конец XVIII в., происходит возрождение монашества и подъем духовной жизни, отмеченное трудами и духовными подвигами церковных писателей Паисия Величковского и Тихона Задонского — признаки Третьего Возрождения, по мнению иг. Иоанна Экономцева. Формируется конфессиональный стиль русского литературного языка, цель которого — богомыслие и богопознание и истоки которого могут быть обнаружены на более ранних этапах. «Так на рассеяние Просветительского века Церковь отвечает собиранием духа» [12, с. 123].

4. Русский литературный язык XIX в, основоположником которого является А.С. Пушкин, бурно развивается в контексте различных литературных школ, направлений и идеологических течений. Развитие и совершенствование конфессионального стиля определяется трудами митрополита Московского Филарета, митрополита Северокавказского Игнатия Брянчанинова. Формирование и расцвет русского богословия, источником которого является сакральные тексты на церковнославянском языке, представленного в произведениях А.Н. Голубинского, А.С. Хомякова, Вл. Соловьева, прот. Сергия Булгакова, св. прав. Иоанна Кронштадтского, митрополита Антония Храповицкого и др. происходит параллельно с художественными открытиями И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского. Четвертое, по нашему мнению, церковнославянское влияние этого периода, питаемое византийской исихастской традицией и богословием XVIII в. (Паисий Величковский, Тихон Задонский) сочеталось с Четвертым, по иг. Иоанну Экономцеву, Возрождением русской духовности: «Протагонисты новой эпохи — старец Амвросий и Достоевский. ... Происходит памятная историческая встреча, лицом к лицу, исихазма и русской светской культуры» [9, с. 192]. Развитие языковой системы и языкового сознания стало основой расцвета филологии — от трактатов М.В. Ломоносова и В.И. Буслаева до трудов А.А. Шахматова и Я.В. Грота.

Традиционно периодизация истории русского литературного языка XIX в. определялась «этапами национально-освободительного движения», однако, по нашему мнению, внутренняя сущность противостояния «левых» движений и традиционных православных ценностей сводится к противостоянию антропоцентрического и теоцентрического осознания реальной действительности. Историческая катастрофа 1917 г. свидетельствует не о поражении теоцентризма, а скорее о сложности выбора.

5. Развитие русского литературного языка XX в. продолжает традиции XIX в.: взаимодействие с живой разговорной стихией, лексические миграции (из русского языка и в русский язык), диалектные и просторечные включения. Не прервались со старославянским языком, хотя она стала подспудной, «подтекстной». Попытки уничтожения Церкви, сужение и сокращение сферы реализации конфессионального стиля не изменили главного: старославянский / церковнославянский язык оставался носителем православного мировоззрения, животворящим источником духовности. Русская культура и литература в 60-ые — 90-ые год переживает свое Пятое Возрождение, а старославянский / церковнославянский язык в пятый раз оказывает свое освящающее воздействие на культуру, литературу, просвещение. На нем продолжается живое творчество: составляются акафисты, тропари и кондаки святым новомученикам и страстотерпцам XX в., создан «Чин Тысячелетия Крещения Руси» и т.д. Развивается конфессиональный стиль в трудах прот. Павла Флоренского, прот. Георгия Флоровского, митрополита Антония Сурожского, протодиакона Ан-

дрей Курева и др. Церковнославянский язык включен в программы многих современных школ, гимназий и лицеев, расширяя и углубляя филологические духовные представления учащихся, направляя их поиск «внутреннего человека».

Переживший тысячелетнюю историю старославянский / церковнославянский язык неотделим от истории русского литературного языка, русской литературы и культуры. Его продолжающееся активное воздействие на русский язык проявляется не только в возрождении ранее изгнанных слов сакрального содержания, не только в обогащении словарного состава церковнославянизмами, а текстов — аллюзиями и реминисценциями из церковных текстов, но и в усложнении системы функциональных стилей формированием и развитием конфессионального стиля, признание которого позволит ввести в оборот научного исследования колоссальный языковой материал, сохранивший красоту и значимость русского слова и потому имеющий национальную значимость. Церковнославянский язык как носитель духовных православных ценностей неотделим в своем творческом бытии от истории русского языка не только в прошлом, но в настоящем и будущем. И в этом органическом синтезе — неиссякаемый творческий потенциал и духовное значение русского языка, русской литературы и культуры.

Литература

1. Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка. — М: Наука, 1983. — 160 с.
2. Соболевский А.И. История русского литературного языка. — М: Наука, 1980. — 194 с.
3. Алексеев А.А. Почему в Древней Руси не было диглоссии? // Литературный язык Древней Руси / Проблемы исторического языкознания. — Вып. 3. — Л: ЛГУ, 1986. — С. 3-11.
4. Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и древнерусского литературного языка. — М: Наука, 1958.
5. Лихачев Д.С. Несколько мыслей о языке литературы и литературном языке древней Руси // Историко-филологические исследования. — М: Наука, 1967.
6. Мецкерский Н.А. История русского литературного языка. — Л: ЛГУ, 1982.
7. Филитин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. — М: Наука, 1981.
8. Иг. Иоанн Экономцев. Национально-религиозный идеал и идея империи в Петровскую эпоху (к анализу церковной реформы Петра I) // Иг. Иоанн Экономцев. Православие. Византия. Россия. — М: Христианская литература, 1992. — С. 143-166.
9. Иг. Иоанн Экономцев. Исихазм и Возрождение. Исихазм и проблема творчества // — Там же. — С. 167-196.
10. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). — М: Аспект. Пресс, 2002.
11. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. — М: Наука, 1979.
12. Прот Георгий Флоровский. Пути русского богословия. — 3-е изд. — YMCA—-PRESS, Paris, 1983 (Киев: «Путь к истине», 1991).

Статья поступила в редакцию 20.04.2006 г.

